

22 ФЕВ. 41 8

ИСКУССТВО

СКАЗИТЕЛЬ—ЧТЕЦ—АКТЕР

(О Сурене Кочаряне)

Слушая Сурена Кочаряна, глядя на него, часто ловишь себя на том, что позабыл об актере-сказителе, который сидит перед тобой в кресле, на эстраде, и на разу не встает в течение всего исполнения. Позабыл потому, что перед глазами возникает множество ярчайших картин, рассказываемых и показываемых Кочаряном. Картины эти настолько яркие, образы, рисуемые им, настолько живы, что заставляют часто забывать, что на эстраде один человек, а не множество тех, кого он изображает.

Такова сила воздействия на слушателя и зрителя этого замечательного чтеца.

Чтеца ли только?

Сказать о Кочаряне, что он чтец, — мало.

Актера?

Нет, конечно, не только актера.

Блестящего сказителя, великолепного усвоившего вековые традиции сказительского искусства?

Очевидно, что мало будет и этого определения.

Кочарян удивительно сочетает в своем творчестве искусство сказителя, высокое мастерство современного чтеца, крупный актерский талант. Все это вместе взятое переплетается самым тесным образом в его исполнении и делает картины, которые он рисует, такими выпуклыми, живыми. Чувствуешь в них огромную радость жизни, любовь к родной стране.

В литературном концерте 19 февраля в Доме ученых мы слушали его литературную композицию «Давид Сасунский». Как жаль, что мы

не имели возможности услышать другие его работы — «Шахразад», «Витязя в тигровой шкуре».

Однако, и того, что мы слышали, достаточно, чтобы говорить о блестящем мастерстве Кочаряна, об огромном наслаждении, какое доставляет его концерт. Впрочем, название литературный концерт (как было сказано о его выступлениях) — сужает содержание вечера, проведенного слушателями в чарующей атмосфере замечательного армянского народного героического эпоса. Это было скорее литературное представление, если допустить такой термин. Кочарян принес на эстраду не только чтение, но и театральное представление, только без актеров-партнеров, без театральной обстановки.

В композиции, сделанной самим исполнителем, взяты отрывки из всего эпоса, главным образом из третьей, так называемой, ветви его, посвященной Давиду из Сасуна, герою, именем которого зовут теперь весь эпос. Слагавшееся в течение многих и многих столетий (исполнилась теперь уже тысяча лет с тех пор, как возник эпос о Давиде Сасунском) великое народное произведение воплотило в образе Давида лучшие чаяния и устремления народа. Оно рисует героев необыкновенной силы, больших человеческих страстей, необыкновенной всепобеждающей преданности своей родине. Таковы Санасар и Багдасар — братья-близнецы, таков Мгер старший, отец Давида, таков Давид, таков Мгер младший — сын Давида. Все их подвиги, все их бои и

поединки — это защита родной страны, родного народа...

В композицию, сделанную с большим чутьем и вкусом художника, включены характерные, яркие моменты эпоса, дающие представление о нем в целом, выявляющие общий его характер, как глубокопоэтического, высокохудожественного патристического народного творения.

Кочарян, прошедший большую благородную школу актерского мастерства, широко пользуется мимической игрой, актерским и ораторским жестом. Его лицо удивительно подвижно, и мимика его необычайно богата. Его жест, иногда чуть излишне расточительный, глубоко выразителен. У него удивительно приятного тембра мягкий и в то же время очень большой силы голос, голос, которым он прекрасно владеет. Он великолепно чувствует слово, его природу, умеет тонко донести его до слушателя. Он умеет расцветить каждое слово богатейшими красками, но делает это с таким чувством меры, чтобы до слушателя при помощи музыки слова дошел смысл его, чтобы музыка слова была лишь средством, а не целью. В этом трудном, но благородном искусстве — ключ успеха Кочаряна. Соединяя в своем исполнении сказительский повествовательный тон, в котором очень сильны бытовые интонации, с тоном героического пафоса, умело находя между ними золотую середину, артист глубоко захватывает аудиторию, покоряет ее...

— «С поклоном помянуты будьте, великие праотцы наши», — начинает Кочарян повествование чуть монотонным, но захватывающим сразу же внимание сказительским тоном, в котором мягкость и нежность. А на лице его чуть лукавая, но теплая-теплая улыбка.

— «Сплетала она сорок кос золо-

тых», — мягко говорит Кочарян и поднимает, и опускает руки так, будто расправляет косы. И за этим жестом чувствуется прекрасная девушка, и пышные, замечательные ее косы...

— «Мгер круто — вот так! — осадил коня», — произносит отрывисто, резким тоном Кочарян, и как будто дергает руками поводья. И перед глазами слушателя вырастает образ осаженного коня.

А какой силы звучания достигает голос чтеца в патетических местах. В нем появляется великая угроза, в нем звучит металл, когда, например, рассказывая о бое с врагами сасунского народа, Кочарян произносит замечательные слова: «Не вздумайте ходить на Сасун!», роднящие и делающие близким нам, советским людям, образ богатыря Давида, защитника родины от посягательств врагов.

Один за другим возникают яркие образы эпоса: уже упомянутые Санасар, Багдасар, Мгер старший и Мгер младший; Дзенов-Ован, что значит Ован-Горлан, дядя Давида, обладающий голосом неимоверной силы; прекрасная Армаган, жена Мгера старшего; привлекательная Хандутхатун, жена Давида; кровожадный отвратительный Мсра-мелик (что значит — царь Мсыра), вечно покушающийся на свободу и независимость сасунского народа; коварная Чымш-кик-султан, виновница гибели Давида; славный конь Джалали, верный друг Давида...

Но над всеми этими образами парит образ Давида. Прямодушный, искренний, простой человек, честный, великодушный, любящий родину, готовый на любые подвиги и совершающий эти подвиги для защиты родины, Давид во всем своем очаровании возникает в исполнении Кочаряна.

С. ГИНЦ.